

Туда, где пахнет яблоком и хлебом,
Туда, где Бог людей своих хранит,
Под русским не кончающимся небом,
Где всё и вся — по-русски говорит.

Владимир Шемшученко

Совместить гражданскую тематику с пейзажными и собственно лирическими стихотворениями удастся далеко не всякому автору. Подобное свойство таланта присуще, как правило, только большим поэтам. Во всех остальных случаях одни творческие приоритеты, теряя выразительность и единственность художественного высказывания, уступают другим — и перед читателем предстает по преимуществу либо трибун, либо певец затаённых переживаний.

Стихи Владимира Шемшученко почти всегда остросоциальны, их отличает жёсткость национальных и родовых акцентов, духовная определённости. Эти приметы воплощены в интонации, в словаре, в логике развития сюжета и его контрастах. С полным правом их можно отнести к «поэзии мысли». Однако образность и способность поэта совмещать далёкое с близким и мгновенное с вечным выходят за границы подобного лирического ареала и рожают вещи поистине нежные и тонкие.

Новая книга стихотворений Шемшученко «Мысль превращается в слова» знакомит нас с автором во многом универсальным, а название сборника словно бы говорит, что слова, напитанные мыслью, притягательны и широки, глубоки и подчас самодостаточны, поскольку в них живет красота, которая выше всякого рационального суждения. И в заглавном тезисе книги самым важным оказывается превращение.

Шемшученко здесь предстает фигурой неожиданной в каждой последующей строке. Он может проявиться тихо и доверительно, в жанровом отношении — занимательно. И вдруг возникает сюжетный поворот — или, точнее сказать, сюжетный перелом, — и образ автора становится предельно отчетлив, а речь его обретает твердость и непререкаемую интонацию. В новом сборнике он кажется более лиричным по сравнению со своим литературным обликом прежних лет. Большой цикл стихотворений «Марине» является в этом смысле центром книги, в которой, разумеется, есть и другие тематические позиции. Однако такое единство любви и призвания, экзистенциальной тоски и социальной рефлексии, природных картин и жанра делают эту вещь своего рода «художественным позвоночником» всего корпуса представленных вниманию читателя поэтических повествований.

*Чиркну спичкой — и станет светло,
И в оконном стекле отраженьё
Передразнит любое движенье,
И рука превратится в крыло...*

.....

*Вспомни, как не плясал под чужую дуду,
Как старался в дугу не согнуться...
Не гони меня — я без тебя пропаду,
И стихи по земле разбредутся.*

.....
*Я вижу рождение зла и добра
В лучах отражённого света.
Я знаю, как чёрная смотрит дыра
Из табельного пистолета.*

.....
*Перебранка полешек, бормотанье огня
И волос твоих рыжих волнующий запах...
Я тебя назову: свет осеннего дня
Или, лучше, — предзимье на заячьих лапах.*

У Шемшученко в построении сюжета очень большую роль играет созерцание. Причем автор, вглядываясь в пейзаж или ситуацию, не остается вдалеке от событий, но как-то неуловимо к ним приближается, будто скользит и тем самым преодолевая дистанцию. В этом есть элемент кинематографа, хотя чувство меры позволяет поэту погасить движение и остановиться вовремя, не превращая дальнейшее в фантазмагорию деталей, что так примечательно в текстах модернистских авторов. Он помнит, что «Россия — это тишина», а русское созерцание приближает человека к самой материи бытия, преображая быт, который на деле — только малое, самое начальное средство, необходимое для прозрения.

Человеческая память живет в природе, в ее нерукотворных составных частях — реке, поле, лесе, которые однажды могут вспалиться и восстановить эпизоды прошлого: в печали — и радости, в беспощадном ужасе — и щедрости измученного сердца. Вот почему так много биографических отсылок в стихах поэта к истории рода и дружбе с корневыми, прошедшими жестокие испытания людьми, порой со страшной судьбой, но с не засохшим сердцем.

*...Ты слышишь, как растет трава
Из глаз единственного брата...
.....
Он был болен и знал, что умрёт.
Положив мою книгу на полку,
Вдруг сказал: «Так нельзя про народ.
В писанине такой мало толку».
Я ему возражал, говорил,
Что традиции ставят препоны,
Что Мефодий забыт и Кирилл,
Что нет места в стихах для иконы.
«Замолчи! — оборвал он. — Шпана!
Что ты смыслишь! Поэзия — это...».
И закашлялся. И тишина...
И оставил меня без ответа.*

Русское начало у Шемшученко никогда не пряталось и не отрекалось от самого себя, он — человек наследства. Красный и белый цвет в его строках постоянно спорят друг с другом, будто имперская Россия и ее советское воплощение. Ни

один цвет не берет верх постоянно. Эти краски, каждая по-своему, дороги автору и вошли в его плоть и кровь. Между тем, он с болью понимает, что сегодня русский человек на родной земле стал фигурой неприкаянной. Исподволь, более изображая, а не называя вещи должными именами, поэт предлагает читателю мизансцены, в которых азиатский уклад теснит изначальный, славянский: «Все назойливей запахи кухни восточной, / Но не многие знают — так пахнет беда». У него чрезвычайно обострено вглядывание и вслушивание в реальность. Он чувствует: что-то происходит, и обозначает — что. Осязает всей кожей: какие-то события готовятся и вот-вот свершатся, и обозначает — почему.

*Проснусь среди ночи, как в детстве, луну отдышу
В замёрзшем окошке, и свет снизойдёт к изголовью...
У Господа я всепрощенья себе не прошу,
Я только молю, чтобы сердце наполнил любовью.
Когда надо мной в одночасье нависнет вина
За то, что себя возомнил и судьбей, и пророком,
Я чашу раскаянья радостно выпью до дна,
Чтоб сын, повзрослев, из неё не отпил нена роком.*

Многие приметы настоящего и прошлого Шемшученко показывает вскользь на фоне размеренной интонации лирического рассказа. Сочетание мелькнувшей жизненной грани, острой и ранящей, со спокойной сюжетной основой оказывается на редкость пронзительным. Точно так же построены и подготовлены почти все финальные строки самых важных стихотворений поэта. Примечательно, что, когда он пишет о природе или о любви, о быте или творческом призвании, у него совершенно непредсказуемо, но очень естественно в строке возникает человек русской идеи, русского уклада и русского характера («Как все просто, по-русски, без глупых прикрас»; «...от безбожных отцов не рождаются русские дети»; «Я — смиреннейший подмастерье, / данник русского языка»; «Мы ляжем в нашу землю здесь, мы не уйдем, мы коренные, / И рюмку водки с коркой хлеба оставим на краю стола»).

В художественном созерцании поэта есть одна важная особенность. Соприкасаясь с большими вещами, он не умаляет собственную мысль, не принимает свою зримую малость в виду огромных окружающих предметов. Он — их часть, которая столь же велика. Это слияние человеческого космоса — с космосом вещественным, слияние на равных началах. Потому что видимый человек есть только тень человека подлинного («Между небом и мной — неразрывная нить»; «...тучи тычутся в колени / И тают от тепла руки»; «...заново научишься дышать / И чувствовать губами привкус звука»).

Не в последнюю очередь в таком мироощущении сказывается происхождение автора. Он может посетовать на «западный» Петербург, который ему куда ближе срединной и пестрой Москвы («Все никак не привыкну к лесам и болотам, / Не хватает простора глазам степняка»), однако все его стихи о городе теряются на фоне более общих сюжетов. Кажется, что в них нет сверхзадачи, лирического откровения. И в том — совсем не изъян поэта Владимира Шемшученко, тут видны бытийные провалы города как такового. Наверное, мы вплотную подошли к черте, отделяющей органичную жизнь от искусственной, вольное и радостное присутствие в мире — от выморочного и безысходного. Близость подобной вехи в той или иной степени сказывается на всем строе современного ума и душевного обыкновения — в России это кажется несомненным...

*У берега вода чиста и холодна.
Прозрачные леса отчаянно красивы.
Плесни-ка мне, дружок, карельского вина,
Затеплим костерок — ну, хоть у этой ивы.
Она среди камней стоит, едва дыша —
Объятия ветров настойчивы и грубы...
Мы наберём с тобой сухого камыша,
И для неё сошьём из дыма лисью шубу.
Как дышится легко! Как звёзды высоки!
И воздух не горчит, а первым пахнет снегом...
Я подниму с земли листочки-лепестки
И глубоко вдохну, и выдохну: О-н-е-г-а...*

Говоря о превращении замысла в слово, необходимо обозначить творческие черты поэта, который собственно и осуществляет это, без преувеличения, волшебство. Фигура его противоречива, своенравная натура позволяет ему без церемоний, «прямо в губы» целовать слова. Хотя такой облик во многом напускной: автор вслушивается в звучание речи и искусно организует ее, оживотворяя художественными образами — и уходя от первоначальной сухости тревожащего сердце и душу замысла («Подснежник скукожился в банке, / Как ставшая былью мечта»). Поэт рисует нравы литературной среды в духе традиций Блока и Есенина, одновременно насыщая сюжет отблесками социальных явлений, драматизмом судьбы художника.

*Позарастала жизнь разрыв-травой.
Мы в простоте сказать не можем слова.
Ушёл, не нарушая наш покой,
Безвестный гений, не нашедший крова.*

У Шемшученко есть очень мудрое стихотворение, скромно определенное автором как «дидактика». Поэтическое вдохновение, по его словам, стоит соединять с реальным миром, яркими чувствами, с любовью к Родине, с неподвластной разуму песней. Поэзия — вся здесь, рядом с нами и внутри нас, на грани видимого и невидимого. И в этом ее загадка и великая сила.

*Не заглядывай в бездну, поэт, —
Жизнь земная всего лишь минутка.
Расскажи, как цветёт незабудка,
Поднебесья вобравшая цвет.
<...>
Расскажи, как туманный рассвет
Режет крыльями дикая утка...
Не заглядывай в бездну, поэт —
Своеволье не стоит рассудка.*

У Владимира Шемшученко очевидна драгоценная для нынешнего времени особенность таланта: он способен видеть предмет и картину как нечто целостное. Острота художественного зрения позволяет ему вглядываться в детали, не расчленяя действительность на мертвые составные части, что с энтузиазмом душевно-больного делает сочинитель-постмодернист. Красота и смысл — не инструменты познания отчужденного мира, а часть человека и царства, в которое он был некогда призван Создателем. Хочется верить — не по ошибке.